

Петр Сойфер

Коридор

18+

Петр Сойфер

Коридор

«Автор»

2026

Сойфер П.

Коридор / П. Сойфер — «Автор», 2026

Семь камер. Семь штатов. Одна неделя. Профессор, убивавший коллег во имя эволюции. Проповедник, сжёгший дом молитвы. Индеец, чья душа не помещается в бетонный периметр. Мафиози, преданный собственной стаей. Мать, защитившая дочь. Террорист, проигравший войну Системе. И мальчик, которого казнят за преступление, которого он не совершал. Они никогда не увидят друг друга. Но через вентиляционные трубы, через шум и тишину, через семь дней ожидания их голоса сплетаются в единый хор. «Коридор» — полифонический роман о том, что остаётся от человека, когда у него отнимают всё, кроме голоса.

© Сойфер П., 2026

© Автор, 2026

Петр Сойфер

Коридор

Доктор Пётр Сойфер

КОРИДОР

Полифонический роман

ПРОЛОГ

В Соединённых Штатах Америки смертная казнь разрешена в двадцати семи штатах.

С 1976 года казнено более полутора тысяч человек.

По данным Проекта «Невиновность», начиная с 1973 года более двухсот человек были освобождены из камер смертников после того, как их невиновность была доказана. Некоторые — за несколько часов до казни. Некоторые — после.

Эта книга происходит в течение одной недели.

Все семь голосов в ней — вымышленные.

Один из них — нет.

ПОНЕДЕЛЬНИК

Тюрьма Сан-Квентин, Калифорния

Камера 08432. Профессор Артур Ленц

Энтропия всегда побеждает. Это базовый закон термодинамики, но здесь, в блоке Death Row тюрьмы Сан-Квентин, его ощущаешь кожей. Она пахнет старой известью, сырым железом и кислым супом, который раздают в одиннадцать утра.

Каждое утро я начинаю с того, что привожу в порядок систему. Моя камера — это пространство два на три метра. Ограниченный объём. Если не структурировать его ежеминутно, разум превращается в болото, а я слишком долго изучал деградацию чужих умов, чтобы позволить собственной префронтальной коре сдать без боя.

В 6:00 — подъём. В 6:15 — двадцать отжиманий. В 6:30 — я сажусь за стол, беру огрызок карандаша (длинные грифели здесь запрещены, Система боится, что я вскрою себе яремную вену раньше, чем они введут свой состав) и открываю тетрадь. Я пишу четвёртую главу моей монографии. «Междисциплинарный анализ социальной девиации: от палеолита до неокapи- тализма».

Сегодня карандаш кажется тяжелее обычного.

В 8:15 вдоль камер прошёл надзиратель Миллер. С коэффициентом интеллекта не выше 85 пунктов — классический пример исполнительного примата, получившего суррогатную власть над особями с более высоким статусом в естественной иерархии. Он постучал дубинкой по моей решётке. Этот звук всегда имеет одинаковую частоту — около трёх герц.

— Эй, профессор. К тебе адвокат. И... этот, как его. Губернатор подписал бумаги. Твой отказ пришёл, Ленц.

Миллер сказал это буднично, жуя мятную жвачку. Так ветеринар сообщает ассистенту, что пора утилизировать очередную партию лабораторных крыс.

В моей внутренней системе координат произошёл миг тишины. Я зафиксировал, как пульс подскочил до 92 ударов в минуту. Вегетативная нервная система среагировала мгно-

венно, выбросив в кровь порцию адреналина. Биология. Глупая, первобытная биология, унаследованная нами от рептилий. Я заставил себя сделать три глубоких вдоха по системе 4-4-4. Пульс выровнялся.

— Спасибо за информацию, Миллер, — ответил я, даже не повернув головы. — Пожалуйста, проследите, чтобы мои книги не перепутали при личной описи.

Губернатор отказал. Это означает, что у Системы ушло ровно шесть лет, чтобы обработать мои апелляции, взвесить юридические параметры и прийти к окончательному решению: удалить элемент Ленца из социального тела. Через семь дней, в следующий понедельник, в 00:01, они введут мне триопентал натрия, панкурония бромид и хлорид калия.

Я изучил этот протокол до мельчайших медицинских деталей. Сначала — отключение сознания. Затем — паралич дыхательной мускулатуры. Финал — остановка синусового узла сердца. Чистая химия. Прекращение синаптической передачи. Никакой метафизики, никакой драмы. Просто выключение компьютера из розетки.

Тогда почему у меня дрожат пальцы, когда я пытаюсь дописать абзац о ритуальном каннибализме в культуре Мустье?

В 10:00 меня вывели в комнату для свиданий. Стекло разделяло меня и Элизабет — моего адвоката. Ей тридцать два года, у неё амбициозный склад ума, но совершенно типичное для её возраста гуманитарное мышление, перегруженное концептами «справедливости» и «человеческой ценности». Она выглядела бледной. На её блузке была расстёгнута лишняя пуговица — признак спешки и лёгкой паники.

— Артур, мне жаль, — сказала она в трубку телефона. — Мы исчерпали федеральный контур. Губернатор был непреклонен. Репортажи о... о тех трёх ваших коллегах с кафедры... пресса снова подняла эти архивы. Они называют вас «Профессор-Травитель». Общественное мнение требует финала.

Я усмехнулся. Мой голос в трубке звучал ровно. Я контролировал каждую интонацию.

— Элизабет, бросьте этот дешёвый журналистский слог. «Травитель». Как мещански. Я не «травил» их. Я провёл естественную выбраковку. Наша кафедра задыхалась от их ничтожества. Профессор Харрис три года переписывал одну и ту же статью, тормозя финансирование лаборатории генетики. Он был эволюционным тупиком, тучным паразитом на теле науки. Я просто ускорил то, что природа сделала бы через пару лет. Я освободил ресурсы для жизнеспособных элементов. Это чистый социальный дарвинизм, применённый на практике.

Элизабет посмотрела на меня с выражением, которое клиническая психология классифицирует как смесь ужаса и глубокого отвращения.

— Вы безумны, Артур, — тихо произнесла она. — Вы заперты в этой коробке уже шесть лет, но так ничего и не поняли. Вы убили их, потому что они не проголосовали за ваше назначение на должность декана. Какая, к чёрту, эволюция? Это было обычное, грязное ущемлённое эго. Вы просто тщеславный старик, который не умел проигрывать.

Её слова ударили меня под дых. Не потому, что они были правдой — они были примитивной обывательской интерпретацией, — а потому, что она отказалась слушать мою аргументацию. Она отказалась быть моим медиумом.

— Послушайте меня, — я прижался лбом к холодному стеклу, оставив на нём жирный след от кожи. — Мне плевать на деканство. У меня в камере тетрадь. Там финал монографии. Архитектура рации. Вы должны забрать её после... после всего. Вы должны опубликовать её. Это моё завещание. Мой статус в науке не может быть аннулирован этой инъекцией.

Элизабет медленно положила трубку на рычаг. Она покачала головой. Через стекло я видел, как её губы беззвучно произнесли: «Нет». Она встала, подобрала свой кожаный портфель и пошла к выходу, даже не обернувшись.

Я вернулся в камеру в 11:30.

Обед уже стоял на откидной полке. Холодная картофельная масса, кусок соевого мяса, плавающий в коричневой жиже. Я посмотрел на эту еду, и меня внезапно вывернуло прямо на бетонный пол. Органическая масса. Моё тело предавало меня. Мой разум строил идеальные геометрические концепции, но мой гипоталамус, мой древний, животный мозг понимал: Система выставила таймер. Семь дней. 168 часов.

Я сел на нары, подогнув колени к подбородку. Из вентиляции сверху донёлся странный, едва уловимый ритмичный стук. Кто-то в соседнем блоке бил ложкой по трубе. Три удара — пауза — три удара.

Волна тепла, сменившаяся леденящим ознобом, прошла по моему позвоночнику. Я, профессор Артур Ленц, автор одиннадцати монографий, сидел в углу бетонной коробки и впервые в жизни не знал, какую дефиницию подобрать к тому, что я сейчас чувствую. Это был абсолютный, ничем не разбавленный биологический ужас перед уничтожением.

ВТОРНИК

Полейси-Юнит, Техас

Камера 11-В. Томас «Проповедник» Миллер

Сухость. Господи, какая сушь.

Здесь, в Полейси, воздух не двигается. Он стоит, как стоячая вода в июльской канаве у шоссе № 10, только пахнет не тиной, а раскалённой известью, старым потом и машинным маслом от вентиляторов, которые гоняют эту духоту по кругу. В камере 11-В нет окон. Есть только стена, серая, как ослиное брюхо, и стальная дверь с четырьмя рядами дырочек для воздуха. 23 часа в сутки я смотрю на эти дырочки. Если долго глядеть, они складываются в созвездия. Иногда я вижу Медведицу, а иногда — крест. Но сегодня там ничего нет. Просто дыры в железе, за которыми темнота коридора.

Вчера по трубам пришло эхо. Тихое такое, как шуршание мыши под полом. Тюремный телеграф не обманывает, у него свои нервы. Парень из Калифорнии, из Сан-Квентина, получил свою метку. Печать поставлена. Профессор. Я его не знаю, никогда не видел его лица, но я знаю его вес. Его неделя началась вчера, в понедельник. Моя неделя идёт уже девять лет, но его часы теперь тикают громче, и этот стук доходит сюда, через пустыни Нью-Мексико, прямо в мой бетонный гроб.

Я попытался молиться за него. Встал на колени, как делаю всегда в 8:00, когда надзиратели заканчивают пересчёт и наступает этот короткий час, пока не начали громыхать тележки с баландой. Мои колени давно превратились в две сухие мозоли, кожа там жёлтая и твёрдая, как подошва старых сапог.

Я открыл рот: «Господи, прими душу раба Твоего Артура...»

И всё. И тишина.

Слово упало изо рта на пол, как дохлая муха. Внутри меня — пусто. Обычно, когда я молюсь, у меня в груди начинает гореть. Это хороший огонь, тот самый, что пожрал пророков на горе Кармил, тот самый, что снизошёл на меня в ту ночь у трейлерного парка в Абилене, когда Дух велел мне очистить землю. Я всегда слышал гул. Как будто шмель жужжит прямо за ушной раковиной, или как будто далёкий поезд идёт по рельсам через прерию. Это был Его голос.

А сегодня — тишина.

В 11:15 лязгнула кормушка. Это не еда. Это отец Макхэйл. Капеллан. Он приходит по вторникам. Лицо у него круглое, серое, как неотбеленный холст, а под глазами мешки — такие бывают у людей, которые слишком много пьют кофе и слишком часто смотрят на чужие слёзы. Он не заходит внутрь, здесь так не принято. Он стоит по ту сторону двери, и я вижу его глаза через смотровое окошко, прикрытое частой сеткой.

— Томас, — говорит он. Голос у него глухой, как из бочки. — Как ты сегодня?

— Бог молчит, отец, — ответил я и прижался губами к железу двери, чтобы он слышал мой шёпот. — Грешник из Калифорнии перетянул Его внимание на себя. Вчера ему подписали ордер. Я чувствую, как там, на Западе, закручиваются винты правосудия. Помолитесь со мной, чтобы огонь очищения коснулся его разума до того, как игла войдёт в вену.

Макхэйл тяжело вздохнул. Я услышал, как зашуршала его сутана, когда он переступил с ноги на ногу. Он всегда устаёт от моих речей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.